

Наблюдения над текстологическими принципами, которыми руководствовался Н. М. Карамзин при цитировании древнерусских текстов вообще, позволяют дать наиболее точную и объективную оценку его выпискам из «Слова о полку Игореве». В 1-м, 2-м, 23-м и 27-м примерах у Карамзина по сравнению и с первым изданием «Слова», и с Екатерининской копией имеются пропуски. Зная, что Карамзин иногда при цитации текстов допускал пропуски отдельных слов, никак не оговаривая и не отмечая этого (при значительных пропусках Карамзин обычно ставит многоточия), мы имеем все основания думать, что и в выписках из «Слова» перед нами также пропуски Карамзина, а не более точное отражение написаний рукописи. Издавая специально текст «Слова о полку Игореве», первые издатели, без сомнения, старались воспроизвести рукопись с наибольшей точностью и едва ли могли вставлять что-либо от себя. Напомним, что сам же Карамзин, говоря о воспроизведении в первом издании древнерусского текста, отметил лишь одну вставку в тексте от издателей — поставленное в скобках имя «Олег» на стр. 6.

Выявив тенденцию Карамзина приводить отдельные написания древнерусских текстов в соответствии с правилами современной ему орфографии, мы должны признать, что в ряде случаев в выписках из «Слова» Карамзин, по всей видимости, следовал именно этой тенденции. В первом издании «Слова о полку Игореве», как отметил в упомянутой выше работе Д. С. Лихачев, издатели, придерживаясь текстологических приемов, практиковавшихся в других изданиях А. И. Мусина-Пушкина, изменяли древнерусские написания согласно правилам орфографии конца XVIII—начала XIX в. Но наряду с этим в первом издании проявилось стремление издателей передать древнерусский текст памятника с наибольшей точностью. Эти две противоположные тенденции и определили текстологические особенности первого издания «Слова о полку Игореве»: первое издание точнее, чем Екатерининская копия, воспроизводит текст рукописи «Слова», однако в целом ряде случаев мы встречаем и в первом издании чтения, явно продиктованные орфографическими правилами конца XVIII в («ъ» в конце предлогов и в окончаниях слов на твердую согласную, употребление «і» и «ѣ» в соответствии с нормами XVIII столетия и некоторые другие). Исходя из этих особенностей первого издания «Слова о полку Игореве», мы можем предполагать, что чтения первого издания, противоречащие орфографическим правилам конца XVIII в., отражают написания рукописи. Поэтому в тех случаях, когда в первом издании то или иное написание не отвечает правилам орфографии конца XVIII—начала XIX в., а у Карамзина это же слово дано в форме, соответствующей правилам орфографии этого времени, у нас есть все основания считать, что чтение первого издания точнее передает текст оригинала, чем выписки Н. М. Карамзина. И наоборот, в тех случаях, когда у Карамзина форма того или иного слова в выписках противоречит современной Карамзину орфографии, а в первом издании соответствующее слово читается согласно орфографическим правилам конца XVIII—начала XIX в., мы можем оценивать чтения Карамзина как чтения, точнее, чем первое издание, воспроизводящие написания оригинала.

Исходя из сказанного выше, такие формы в выписках Карамзина, как «Куряне» вм. «Куряни» (1-й пример), «синяго моря» вм. «синему морю» (9-й пример), «Святославъ» вм. «Святславъ» (10-й пример), «златый» вм. «Злата» (15-й пример), «отворяши» вм. «отворяеши» (21-й пример), «Мстиславича» вм. «Мстиславичи» (27-й пример), должны быть признаны как чтения, измененные Карамзиным, а не как чтения, более точно, чем первое издание, воспроизводящие рукопись «Слова». Также более далекими